

СТАТТІ

УДК 008:130.2:316.722(477.75)

Абрашкевичус Галина

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА УЛУЧШЕНИЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В СУДЬБАХ НАРОДОВ КРЫМА И ЛИТВЫ)

В статье анализируется феномен исторической памяти, как вид социальной памяти, опыт коммуникации представителей различных культур. Процессы межкультурной интеграции рассматриваются на примерах истории народов Крыма и Литвы. Развитие современной культуры добрососедства, возможность исторической памяти влиять на оптимизацию межкультурного диалога исследуется как возможность улучшения взаимопонимания народов.

Ключевые слова: характеристики исторической памяти, межкультурная коммуникация, культура добрососедства, депортация, взаимопонимание народов.

Ab rashkevichus G. The influence of historical memory on improvement of mutual understanding (on example of parallels in fates of people of Crimea and Lithuania)

In the article an author analyses the phenomenon of historical memory, as a type of social memory, the experience of communication of representatives of different cultures. The processes of crosscultural integration are examining on the examples of history of people of Crimea and Lithuania. Development of modern culture of neighbourliness, the possibility of historical memory to influence on optimization of crosscultural dialog is probed as possibility of improvement of the mutual understanding of people.

Keywords: descriptions of historical memory, crosscultural communication, culture of neighbourliness, deportation, mutual understanding of people.

Абрашкевічус Г. Вплив історичної пам'яті на покращення взаєморозуміння (на прикладі паралелей в долях народів Криму та Литви)

У статті аналізується феномен історичної пам'яті, як вид соціальної пам'яті, досвід комунікації представників різних культур. Процеси міжкультурної інтеграції розглядаються на прикладах історії народів Криму та Литви. Розвиток сучасної культури добросусідства, можливість історичної пам'яті впливати на оптимізацію міжкультурного діалогу досліджується як можливість поліпшення взаєморозуміння народів.

Ключові слова: *характеристики історичної пам'яті, міжкультурна комунікація, культура добросусідства, депортація, взаєморозуміння народів.*

В условиях современного общества сложная проблема идентичности, поиск принципов межкультурного диалога вновь заостряется под воздействием политических, экономических и социокультурных факторов. Подверженность трансформациям, неопределенность и концептуальная размытость гражданской, национальной, социокультурной идентичности заставляет пристально анализировать альтернативные формы – этническую, конфессиональную, различные локальные идентичности, опыт общения и взаимопонимания на разных этапах истории полиэтнического социума.

Современная личность, формируемая поликультурной средой, вынуждена думать об идентичности, как о новых горизонтах индивидуального и коллективного бытия. При этом, даже стабильная, признанная идентичность (индивидуальная или коллективная) не может быть выстроена без наличия «Другого», а это, безусловно, подразумевает коммуникацию, взаимосвязь с ним. В данном обоюдном процессе сильна связь с общим прошлым, ценностями, нормами и обычаями, установками и ожиданиями, которые индивид «должен выбирать и репродуцировать, чтобы достичь идентичности в сложном процессе взаимного признания» [14, с. 142]. Границы идентичности постоянно расширяются: человек то совершает усилие по сбору и отбору в памяти эпизодов, участником которых был сам или его предки, что сохраняет общую культурную идентичность; то переоценивает неумолимый поток новых событий и фактов, влияющих на процесс самоидентификации.

В данном контексте, востребованным становится анализ феномена исторической памяти, как опыта коммуникации и взаимопонимания, диалога представителей различных культур. Все

активнее применяется культурологический, содержательный подход к изучению полиэтнического общества, направленный на выяснение и анализ конкретных, исторических реалий на примерах результативных коммуникативных практик. В статье взгляд на историческую память направлен как на вид социальной памяти и потенциал межкультурной интеграции. Автором рассматриваются примеры исторических аналогий, параллелей в судьбах народов Крыма и Литвы, которые проанализированы как инструмент, способный оптимизировать социокультурную практику повседневного взаимодействия.

Социокультурное, коммуникативное пространство ставит сложную задачу осмысления прошлого, его ценностей с целью объяснения или изменения настоящего, тем самым воздействуя на будущее. Многообразие возможностей конструирования новых и реструктуризации прежних идентичностей, многомерность выстраивания логики индивидуального бытия, разнообразие способов существования в социуме заставляют переосмысливать многое, в том числе ранее неизменное. Поэтому, с точки зрения будущего, важна интернационализация позитивного опыта взаимодействия, способная, как представляется, положительным образом повлиять на систему межэтнической коммуникации, взаимопонимание и толерантность в отношениях между различными социокультурными традициями.

Воздействие исторической памяти на формирование культуры добрососедства обнаруживает себя как проблема, имеющая бесспорное практическое измерение. Она связана с необходимостью оптимизации разнообразных повседневных практик жизнедеятельности людей. Сравнение ретроспективного содержания общественного сознания и современной социокультурной практики позволяют культурологам ответить на вопросы следующего порядка: какова роль воздействия исторической и культурной памяти на формирование образа «Другого», как проявляется конструктивный и деструктивный потенциал исторической памяти, меняется ли образ врага. Знание подобных механизмов, воздействующих на конкретные социальные группы, отдельного индивида позволяет глубже понимать современную, многомерную реальность, сохранять память о прошлом. «Коли соромляться свого минулого, то починають боятися майбутнього. Коротка історична пам'ять – ознака безвідповідальності, яка починається

від окремої особистості, поширюється на певну соціальну групу, далі покоління, і стає врешті покутою цілого народу», – вважає лауреат Шевченковської премії Галина Пагутяк. Безумовно, що образи прошлого не завжди позитивні і однозначні, по-тому виявлення історических аналогій, істоків, общих путей развития разных народов способно оказати стимулююче вплив на розвиток культури, культурну ідентичність, на содержание совместных жизненных стратегий. В даному процесі історическа пам'ять, як вид соціальної пам'яті, може стати ведучою рухомою силою, як в боротьбі за розширення прав етніческих меншинств, так і за будучу цивілізацію, основану на общечеловеческих ценностях і мнообразії культур. Культура добрососедства, соціална комунікація, лежача в основі взаємодії, зможе принести істинне знання, розуміння себе і «Другого», розкрити потенціал спільного розвитку, виступаючи ключовим механізмом функціонування культури і общства.

Влия на формування регіональної ідентичності, «історическа пам'ять проявляє себе як «арена боротьби» конгломерата чувств, привычек і личностного своеобразия, чья победа в любом случае оказывается недолговечной», в итоге она представляет собой коллективную память – сложный феномен этнокультурного сознания, существующий в двух уровнях (социальном и индивидуальном). Ян Ассман, размышляя о роли, которую играет память о прошлом в построении культурных идентичностей, предлагает выделить дополнительно ещё две формы в самой коллективной памяти – коммуникативную и культурную» [1, с. 52, 54]. Коммуникативная память, формируемая как воспоминания, связанные с недавним прошлым – так называемая «память поколения», «живая память», «история снизу», чаще всего, эффективно используется в рамках действия народной дипломатии, повседневного общения.

Именно посредством исторической памяти, считает В. А. Жадько [4] возникает эмоциональная вовлеченность в прошлое, её интересубъективное измерение может быть действенной составляющей духовности человека, что значительно повышает значимость «неотредактированных историй» – индивидуальных, локальных, маргинальных, устных и т. п. Участники такого диалога, в большинстве случаев, способны «примирить» различные

картины прошлого, выработать позитивную самооценку, что оказывает влияние на внутренне непротиворечивую и устойчивую современную картину мира, а сформированные на их основе коллективные представления определяют современный исторический выбор – стратегию совместного проживания на принципах добрососедства.

Гибкость, подвижность исторической памяти, возможность объективно переосмысливать многие факты позволяет народам Крыма забывать взаимные обиды и стараться помнить всё то позитивное, что было в их общей многовековой истории. Йорн Рюзен, представитель Эссенского Института наук о культуре предполагает, что «историческая память выступает, с одной стороны, как ментальная способность субъектов сохранять воспоминания о пережитом, которые являются необходимой основой для выработки исторического сознания, с другой – как результат определенных смыслообразующих операций по упорядочиванию воспоминаний... путем осмысления пережитого опыта» [10, с. 9].

Сущностной характеристикой культуuroобразующего потенциала исторической памяти выступает её одновременная устойчивость и мобильность, стремление к межкультурному диалогу; она не только фиксирует огромное количество событий и фактов, но и синтезирует их, соединяет, сплетает в одно единое целое в границах национальной и региональной истории. Тем самым устанавливается зависимость между константностью исторически заданного и развитием культурной идентичности в современных социокультурных реалиях. Культура и историческая память, выполняя посредническую функцию, рассматриваются при этом как орудия для налаживания коммуникации. Комплиментарность как взаимная симпатия индивидов, определяющая деление на «своих» и «чужих» при взглядах на прошлое, выступает способом повышения уровня и результативности такой коммуникации.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что историческая память становится инструментом социокультурного познания общества и одновременно с этим выступает своеобразным нравственным регулятивом межкультурной коммуникации, ориентирует на понимание ценностных ориентаций «Другого». Даже при ослаблении «официальной» исторической памяти о тех или иных событиях, можно констатировать факт компенса-

ции последней за счет активизации так называемой «локальной» памяти, репрезентирующей привязку к конкретике «местных» культур и историй. Поэтому при изучении опыта межэтнических отношений поликультурного Крыма внимание вызывают пути и механизмы решения задач консолидации усилий по установлению добрососедских отношений, направленных на совместное решение существующих проблем представителями различных этносов, этнических групп и национальностей.

Автономная Республика Крым – единственное административно-территориальное образование в Украине, где в силу исторических причин в составе населения доминируют представители национальных и этнических меньшинств. По итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года в Крыму представители более чем 120 этнических групп составляют 5% от общего числа населения [7]. Удовлетворение этнокультурных потребностей, а также сохранение этнической самобытности национальных меньшинств, проживающих в автономии – важнейший аспект налаживания толерантных межнациональных отношений. В последние годы ошутима тенденция возрастания активности этнических сообществ, в настоящее время зарегистрировано около 70 республиканских общественных организаций, имеющих национальную, этнокультурную направленность и ведущих активную работу по сохранению мира и стабильности на Крымском полуострове.

История народов полуострова сложна и драматична, насыщена судьбоносными событиями. В Крыму в течение сотен тысяч лет сменяли друг друга племена и народы, возникали и исчезали государства, но, несмотря на многочисленные заимствования, они сумели утвердить и сохранить свою неповторимую самобытность. До сегодняшнего дня земля хранит многочисленные историко-культурные памятники взаимодействия представителей разных культур. Исторический опыт проживания на общей земле показал, что сотрудничеству, согласию, взаимному влиянию и помощи в отношениях – альтернативы не существует. В мозаичном узоре крымской культуры есть рисунки, как краски заметные, основополагающие, есть менее бросающиеся в глаза, но от этого не менее важные и значимые, поскольку именно они создают исключительное богатство, культурное многообразие Крыма.

Теоретические размышления о роли и влиянии исторической памяти на межкультурную коммуникацию, оптимизацию диалога и межэтническую интеграцию хотелось бы рассмотреть на примере параллелей в исторических судьбах народов Литвы и Крыма. Что связывает литовский народ с судьбами народов Украины и Крыма? В предисловии к изданию «Мосты дружбы. Украина – Литва» сказано, что «основой для розвитку сьгоднішнього українсько-литовського діалогу, перш за все, є цінності, які сповідують наші народи. Це наполеглива праця в ім'я добробуту та процвітання власної держави, добрі взаємини з країнами-сусідами, зміцнення демократії і стабільності в умовах верховенства права, прагнення поєднати гідне місце у європейській спільноті».

На каких событиях, коммуникативных практиках – как фундаменте, построен «мост дружбы», который посредством исторической и социальной памяти многих поколений соединяет людей, ведет на встречу друг к другу, к взаимопониманию и диалогу? Литву и Крым связывает многое в прошлой и настоящей истории. Остановимся на одном из трагических событий в истории народов – депортации. В период перестройки, в конце XX в., после почти полувекового запрета и молчания, историки получили возможность прикоснуться к архивным материалам, с грифами «совершенно секретно», «не для печати». Демократизация общества позволила начать объективное изучение проблемы депортации народов в годы сталинских репрессий, дать им объективную оценку. Достоянием гласности стало огромное количество историко-документального и художественного материала. Депортации подверглись 15 народов и 40 народностей, в число которых вошли народы Литвы и Крыма, более трех с половиной миллионов человек были выдворены из родных мест [5; 6; 11]. В высшей форме человеческая трагедия, связанная с потерей дома, близких, друзей, Родины, с этнической ассимиляцией и угрозой насильственной смерти, разбросала «наказанные народы» более чем в двадцати тысячах населенных пунктов в необъятном пространстве «отдаленных районов» Казахстана, Средней Азии, Севера, Сибири и Дальнего Востока. Одновременно с этим она стала моментом объединения, показателем силы человеческого духа и этнического самосознания.

В практически безысходной ситуации представителями различных народов была проявлена невиданная мобилизация

внутренних физических резервов человека, с опорой на нравственные ценности, культуру, эмоционально-психологическую «инаковость», что позволило не раствориться в крупных этносах и на глубинном ментальном уровне сохранить себя, историческую память о себе и память народа о своих родовых корнях. Именно историческая память свидетельствует, что даже при сталинском политическом режиме, под давлением обвинений «наказанные народы» пытались сохранить язык, веру, традиции, вековую мудрость, отстаивали «человеческое в человеке». Благодаря самобытности этнических культур они внесли вклад в освоение территорий спецпоселений. Окружающая суровость природно-климатических условий в повседневной жизнедеятельности объединяла людей разных культур, на смену настороженности и недоверия к «врагу» приходили общие цели, что способствовало усилению адаптации и коммуникации с местным населением, а этническое самосознание способствовало сплочению самих депортированных. Сохраняя этническую идентичность народы сумели закрыть «черную дыру» беспамятства, куда улетали накопленные ими за много веков духовные богатства – обряды, праздники, сказания, народные предания, язык, а способность одного народа осваивать достижения другого стала важным показателем жизнеспособности собственной культуры. Связь времен и поколений не была прервана, а открытые и опубликованные через пятьдесят лет горькие исповеди очевидцев потрясают «некрасивой и страшной» правдой – раскрытием душевных ран людей, у которых стремились растоптать честь и достоинство, довести до скотского состояния [3]. В этих откровениях важна каждая деталь, которая так долго хранилась в тайниках памяти, так как говорить о травме, страхе можно только в безопасном окружении.

В нашем исследовании культуротворческого потенциала исторической памяти как вида социальной памяти при формировании культуры добрососедства интересен взгляд на трагическую судьбу крымских татар с позиции Литвы, где проживают литовские татары, которые исторически являются выходцами из Крыма и считаются частью всемирной крымскотатарской диаспоры. Возвращение крымских татар на свою родину после депортации 1944 г. и поиск ими своего места в социальной, этнической, культурной и государственной структуре Автоном-

ной Республики Крым занял не одно десятилетие. Этот сложный процесс сопровождался и продолжает сопровождаться апелляцией к историческому прошлому [13]. По мнению Гульнары Бекировой, вопрос о причинах депортации народов (в том числе и крымских татар) еще ждет своего решения и остается открытым. 18 мая 1944 года 194 303 человека крымскотатарской национальности покинули не по своей воле полуостров, вскоре их судьбу разделили крымские армяне, болгары, греки [9], ранее эта участь постигла немцев Крыма. «Память о преступлениях, насильственных переселениях миллионов людей, десятков национальностей до сих пор отягощает межнациональные отношения в нашей стране, служит одной из причин взаимного недоверия. И в этом случае выяснение исторической истины – не просто академическая задача. Правда о преступлениях прошлого – одна из гарантий, что подобное не повторится в настоящем и будущем» [2, с. 160].

В многовековой этнической системе репрессированных народов депортация приняла характер национальной катастрофы ввиду ее исключительности и непредсказуемости. Осознавать свою этническую идентичность для депортированных означало принять депортацию как часть недавней истории народа, как период, в котором процесс идентификации старшего поколения происходил болезненно и трагически.

Одновременно с этим, депортация стала интернациональной трагедией. Долгие годы и литовский народ был «врагом» внутри советской страны. Историками умалчивались факты депортации литовцев в 1940-1941 гг., 1945-1951 гг., односторонне освещалась вооруженная борьба литовских партизан и причины возникновения движения литовского сопротивления. Если руководствоваться классификацией П. М. Поляна [11], депортации из прибалтийских республик можно отнести как к проведенным по этническому признаку, в порядке «зачистки» территорий, так и к политическим депортациям. С осени 1940 г. в Литовской Республике начали действовать специальные суды, в конце мая – начале июня 1941 г. закончилось составление списков лиц, подлежащих выселению, а уже 14 июня 1941 года, людей вырывали из родного дома, гнали в товарные вагоны, в административном порядке высылали на острова моря Лаптевых, в Красноярский край [3; 8]. В историографии по данному процессу депортации нет

единого мнения о числе выселенных жителей Литовской республики 14–18 июня 1941 г. Число депортированных уточнялось, корректировалось и постепенно установилось: 34 620 человек. Эта цифра приводится в изданиях на литовском, английском, немецком языках, хотя и она не окончательная. Особенно широкий размах высылка жителей Литвы получила в послевоенные годы, через 3 года после окончания войны, 22 мая 1948 г. состоялась очередная массовый вывоз жителей. Карательные меры выполняли войска НКВД, особенно активно действовала дивизия, руководимая генерал-майором П. М. Ветровым. Исторически сложилось так, что ранее он провёл массовые репрессии против крымских татар, чеченцев и ингушей. В отчете деятельности дивизии в Литве – 22 600 чел. Это – результат двухмесячной деятельности только одной дивизии. Сколько было совершено насилия, беззакония, «без статистики» сказать трудно, «спецэвакуированные» в 1948 г. (11,3 тыс. хозяйств) семьи, по терминологии того времени, – «активные пособники бандитов». Формулировка не соответствовала реалиям, так как семьи тех, кто ушел в лес, родственники «лесных братьев» были депортированы ещё в 1945-1947 годах. Последний вывоз повторили 25 марта 1949 года – 14 тыс. хозяйств. В результате выселения, а также переселения крестьян в города, число крестьянских семей, по данным статистического управления Литовской ССР, в 1948-1951 годы сократилось с 398 до 367 тыс., а количество людей в этих семьях с 1690 до 1382 тыс. [12, с. 182]. За 1945–1950 гг. спецпереселенцев из Прибалтики (послевоенная депортация) умерло в 5,1 раза больше, чем родилось [6, с. 7]. Анализ смертности показывает, что главными причинами были дистрофия, воспаление легких и туберкулез. Это значит, что многие депортированные умирали голодной смертью, из-за простуды, отсутствия теплого жилья, одежды и тяжелых условий работы на морозе.

За скупыми цифрами судьбы, слезы, страдания сотен тысяч человек, их немой вопрос к власти – «за что?». Литва по численности населения закрыла «демографические дыры» и достигла довоенного уровня только в начале 70-х годов XX века, т.е. спустя 25 лет после окончания Второй мировой войны [12, с.188]. Сотни, тысячи уже никогда не смогли вернуться на свою Родину, они остались на бескрайних просторах тайги, берегах Енисея, в сибирских лесах. Символично, что в память об этих

«черных» страницах истории 14 июня в Литве отмечается как День Траура и Надежды, национального примирения. В день памяти о всех невинно погибших и пострадавших приспускаются государственные флаги, проходят траурные собрания и церковные богослужения.

За минувшие десятилетия было сделано много в ныне независимых странах: опубликовано большое число научных статей, вышли монографии, собраны воспоминания очевидцев, посвященные депортации народов. Можно сделать вывод, что только вдумчивый и внимательный анализ событий прошлого поможет освободиться от предрассудков, ложных представлений и стереотипов, ведущих в конечном итоге к национальной розни и этническим конфликтам. Взаимопонимание и диалог поможет сохранить то ценное, что еще можно сохранить, не стать врагами. Могут ли сегодня быть врагами поколения, познавшие ценность человеческой жизни и сохранившие историческую память о трагедии депортации? Вопрос не риторический, а скорее направленный в плоскость ответственности политиков и государств, нынешних поколений, творящих историю.

Проведя параллели в судьбах народов Литвы и Крыма, дав им оценку благодаря исторической памяти, понимаешь, что сегодня, впрочем, как и во все времена истории человечества, основой общежития людей различных культур остается принцип, исчерпывающе сформулированный Х. Ортегой-и-Гассетом: «Цивилизация – это, прежде всего воля к сосуществованию. Дичают по мере того, как перестают считаться друг с другом. Одичание – процесс разобщения». Согласно здравому смыслу, воля к сосуществованию предполагает в качестве обязательного условия признание за «Другим» права на существование. Не постоянный поиск врага и обвинений, а ценность взаимопонимания и добрососедства, общность исторических судеб этносов, в нашем примере – память о пережитой трагедии депортации, боль утрат, ценность человеческой жизни могут стать основой к общению и взаимопониманию, межкультурному диалогу, способному выработать потребность в ощущении соразмерности себя с «Другим».

Литература:

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 363 с. – (STUDIA HISTORICA). – С. 52–54.
2. Вавилова Н. Е. Уроки разгневанной Клио. – Симферополь, 1998. – 192 с.
3. Гринкевичюте Д. Литовцы у моря Лаптевых : (Из книги «На земле вечной мерзлоты») / пер. Э. Кактынь // Литовцы у Ледовитого океана / сост. : Р. Мерките [и др.] ; предисл. Р. Мерките, А. Вилкайтиса, Й. Маркаускаса ; вступ. ст. А. С. Птицыной, В. В. Прибыткиной. – Якутск : Бичик, 1995. – С. 21–45.
4. Жадько В.О. Исторична пам'ять в розвитку духовності особистості (соціально-філософський аспект) : монографія. – К.: Ніка -Принт, 2006. – 480 с.
5. Земсков В. Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах / В. Н. Земсков // Отечественные архивы. 1993. – № 1. – С. 7.
6. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960 / В. Н. Земсков; Ин-т российской истории – М. : Наука, 2003. – 306 с.
7. Крым многонациональный / сост. Н. Г. Степанова. – Симферополь : Таврия, 1988. – 144 с.
8. Кашаускене В. Непроходимая боль народа / Ванда Кашаускене // Новый взгляд на историю Литвы. – Каунас, 1991. – 207 с. – С. 179.
9. Радость и боль возвращения: Фотоальбом о депортации народов Крыма. – Симферополь: Крымская Академия гуманитарных наук. – 98 с., ил.
10. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории: (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Й. Рюзен // Диалог со временем. – 2001. – Вып. 7. – С. 9.
11. Сталинские депортации 1928-1953 гг. / сост. Яковлев А. Н., Поболь Н. Л., Полян П. М. – М. : Международный фонд «Демократия», 2005. – 904 с.
12. Труска Л. Белые пятна в демографии Литвы военных и послевоенных лет / Людас Труска // Новый взгляд на историю Литвы, – Каунас, 1991. – 207 с. – С. 182.
13. Хаяли Р. И. Обустройство спецпереселенцев крымских татар в первые годы депортации (1944 – 1947) // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 3. – С. 263–267.
14. Kellner D. Popular Culture and the Construction of Postmodern Identity / D. Kellner // Modernity and Identity. – Oxford ; Cambridge, 1996. – P. 141, 142.